

«Я НЕ ГЕРОЙ» (рассказ об одном из воинов Бессмертного полка)

Для тех, кто родился в конце 40-х – начале 50-х годов, разговоры о войне были обычным делом, само собой разумеющимся. Я помню, как много было инвалидов на улицах моего детства: слепых, безруких, безногих; последние передвигались на маленьких деревянных тележках на подшипниках, отталкиваясь от земли какими-то деревянными чурками. Получалось у них это довольно ловко, они быстро двигались. Никто на них не оборачивался...

Мы, дети, знали, что папа и мама были на войне. Особо не расспрашивали, а они особо и не заставляли слушать. Но когда в доме собирались гости на какой-нибудь праздник (почему-то это называлось «складчина»), нас, детей, за стол не сажали, а накрывали в соседней комнате отдельно. Мы угощались и подслушивали, о чем говорят взрослые. А говорили они, в основном, о войне. Много всяких потрясающих рассказов звучало, жаль, что время стерло их из памяти.

У отца была такая удивительная полированного дерева коробочка, с хитрым замочком. В ней хранились его боевые награды, с которыми нам разрешали поиграть, то есть посмотреть внимательно. Мы не спрашивали, за что отец получил ту или иную награду, потому что уже умели читать. И мы читали, еще только догадываясь об огромных смыслах, заключенных в этих кратких надписях: «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»...

Да, мы еще не подозревали масштаба исторических событий, на фоне которых прошло наше детство. И в памяти, увы, не сохранился цельный, непрерывный поток времени. Но и те фрагменты и образы, которые в ней удержались, освещают прошлое ровным и чистым светом.

Мой отец, Селиверстов Павел Иванович, родился в с. Федорово Сусанинского района Костромской области в бедной крестьянской семье. Учился он в церковно-приходской школе (ЦПШ) и очень любил читать. Он рассказывал, что ближайшая библиотека была в Кузнецово, за десяток километров, а на руки в ней выдавали только по одной книге. Однажды он, идя из библиотеки, открыл книгу и стал читать по дороге, а когда пришел, расплакался: книга была уже прочитана. Книги до конца жизни оставались его страстью, он собрал большую библиотеку, которую я храню до сих пор.

Учиться ему хотелось очень, удалось проучиться в каком-то техникуме (не помню в каком). Учеба давалась с трудом после ЦПШ. Техникум стал просто ненавистен. «Я так мечтал, чтобы он сгорел – рассказывал отец, смеясь, – так страстно мечтал, что иногда бежал на угол посмотреть: не горит ли». Преодолея себя, выучился, поехал в Ленинград. Радио его привлекало.

В 1934 году он поступил в военную академию. Не потому, что хотел быть военным, а потому, что там было полное обеспечение: общежитие, обмундирование, питание. Рассчитывать на помощь он не мог. Смеясь, рассказывал, как курсанты называли вечную перловую кашу в столовке: «шрапнель» и «непрерывка». Их, курсантов, два раза в год по 2–3 месяца тренировали шагать на плацу, готовя к военным парадам. Но главное, он за пять лет учебы успел побывать в Кунсткамере, в Эрмитаже, видел Янтарную комнату, очень любил Русский музей. И нас, своих детей, приобщал к живописи. Я забиралась к нему на коленки, он брал альбом репродукций, и для меня начиналось путешествие в удивительный мир живописи. Картины словно оживали.

Учеба закончилась в 1939 году. Итог пятилетнего труда – диплом выпускника Электротехнической академии связи Р.К.К.А. им. Буденного по специальности «Военный инженер-электрик».

Дальше – служба.

В 1941 году отец служил в Киеве. «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили,

что началась война». Отец рассказывал, что как раз в субботу, накануне, он сдал в ремонт единственные сапоги, и ему не в чем было бежать на службу. Пока он размышлял, что делать, ему позвонили: «Ты, такой-сякой, почему не на службе? Война!». «А что, если я приду, то война кончится?» – не растерялся отец. На том конце провода оценили его юмор и присутствие духа: «Не кончится, а все-таки ждем».

Радиоузел, которым командовал отец, готовил радистов для заброски в тыл врага. Забросив, налаживали с ними связь, потому отступали последними. Надо было дождаться ответа радистов.

Немцы были уже в Киеве, а радиоузел все ждал.

Потом получали информацию от разведчиков, дешифровали, обеспечивали информацией армию. Часто радистками посылали девушек: они меньше привлекали внимание. Гибли, а на их место приходили добровольцы и просились на службу, настаивали на заброске в тыл врага. «Куда вы? Помните Аню? Так ее немцы повесили. Помните Клаву? Так ее немцы четвертовали ...». «Все равно возьмите нас в отряд», – требовали молодые девочки.

В семейном альбоме есть фотография: моло-

дой офицер с абсолютно седой шевелюрой. Однажды я спросила отца, почему. Оказывается, отступая последними, они практически уходили от немецких танков. Этот офицер (фамилии, к сожалению, не помню) и с ним еще один бежали в поле и спрятались в стоге сена. Их заметили, и один из танков переехал копну, раздавил одного, проехал в 10 сантиметрах от другого. Он-то и стал после того случая сед, как старик. «Стали волосы смертельной белизны, видно, много белой краски у войны»... Когда я слышу эту песню, всегда вспоминаю эту историю.

Отец воевал в составе Центрального, Юго-Западного, Воронежского и 1-го Белорусского фронтов. Это я знаю из его военного билета.

«Отступал от Киева до Сталинграда». Одна строчка – а какой долгий, трудный путь!.. Как именно отец воевал?.. Читаю в наградных листах: медаль «За боевые заслуги», февраль 1942 г.; орден Отечественной войны II степени, сентябрь 1942 г.; медаль «За оборону Сталинграда», декабрь 1942 г.

Рассказывал отец, как стояли несколько суток в болотах, спасаясь от массированных бомбежек. Как вошли в разбомбленный Сталинград. Как он искал место для радиоузла, и вдруг из-под руин стали выходить на свет оборванные, изможденные, засыпанные прахом войны женщины, дети и старики с лихорадочно горящими глазами. Они обступили его и требовали, как люди, имеющие на это без-

условное право, ответа на вопрос: что дальше?.. войдут ли в город немцы?.. «Город мы не отдадим», – сказал отец. Видимо, он был убедителен. Толпа успокоилась и расступилась, благодаря и благословляя.

Пройдя Сталинградский котел, отец уцелел, даже не был ранен, хотя стул, на котором он сидел за радиоаппаратурой, был разбит под ним осколком снаряда.

А потом отец наступал от Сталинграда до Берлина. В ноябре 1943 года участвовал уже в освобождении Киева. Медаль «За оборону Киева» была учреждена уже после войны, и он был награжден ею в 1962 году.

Много нового о боевом пути отца я узнала недавно, читая доступные нынче архивные документы в Интернете. Вот выписка из наградного листа:

«Инженер-подполковник Селиверстов работает помощником начальника Разведотдела по агентурной связи с апреля 1943 г. Радиоузлом командует с 1939 г.

Высокограмотный специалист-радист. Благодаря умелому руководству и самоотверженности т. Селиверстов в основном сохранил свои довоенные кадры и материальную часть радиоузла, несмотря на то, что неоднократно находился в тяжелых условиях боевой обстановки.

Несмотря на наличие большого количества корреспондентов, благодаря хорошей работе радиоузла Разведывательный отдел штаба имел регулярную связь с агентурой в тылу врага, своевременно ставя ей задачи и получая ценные данные о противнике...

За отличное выполнение задания Командования по обеспечению радиосвязью с агентурой, находящейся в тылу врага, т. Селиверстов достоин награждения орденом «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1 СТЕПЕНИ». 6 июля 1944 года».

В этом же документе указано, что он уже награжден второй медалью «За боевые заслуги» в 1944 г.

Кажется, после этих наград отец получил отпуск и приехал в свою деревню к отцу. Помню его рассказ. «Захожу в дом. Отец лежит, навстречу мне не поднялся. «Бать, чего лежишь?». «Как чего, умираю». «Бать, а чего умираешь?». «Чего. Смерть пришла, вот и умираю». Подхожу к столу, а на нем лежит нечто... Хлеб не хлеб, что-

то буро-зеленое, бесформенное. «Бать, может ты из-за этого хлеба умираешь?». «Все может быть»...

А ведь это в тылу, куда не дошли немцы! Разве эти люди, все отдавшие фронту, умиравшие от голода и холода не в блокадном городе, а в глубоком тылу, не такие же герои войны, как солдаты передовой?..

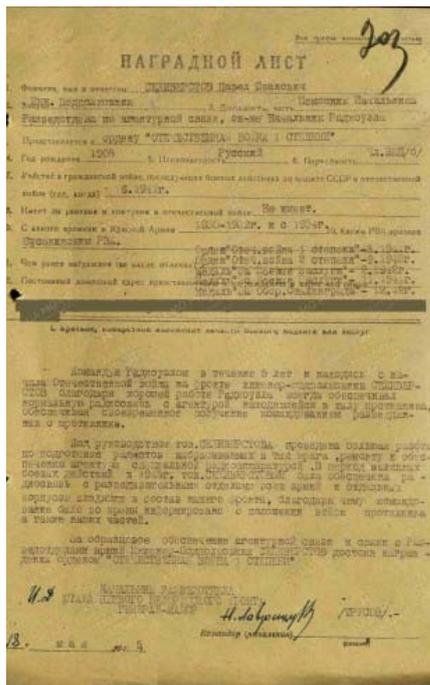
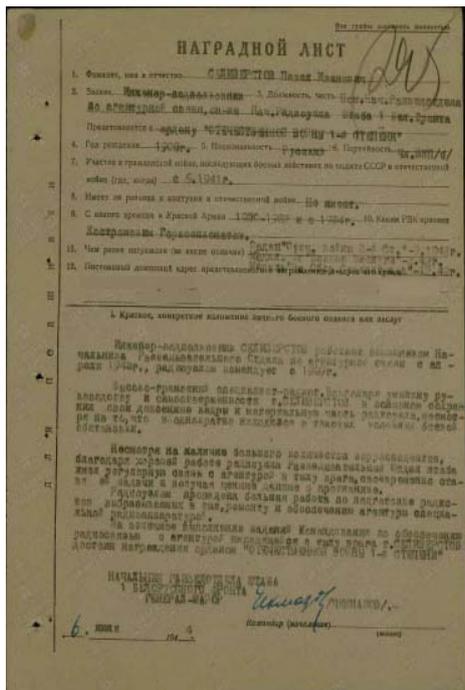
Офицерский аттестат отца, который он оставил семье, по которому можно было получать какое-то продовольствие в Костроме, помог выжить. Дед – долгожитель, умер, когда ему было за 90.

В январе 1945 г. отец освобождал Варшаву. Сочувствую нынешней молодежи. Что им только не приходится слушать из зарубежных (и части российских)

источников о том, как советские войска «оккупировали» Польшу. Горько, что есть такие, которые верят.

Помню эпизод, рассказанный отцом. Радиоузел, которым он командовал, как-то разместился на территории польского женского монастыря. Встретили их, как и положено, сурово. Пригласила отца на аудиенцию игуменья или аббатиса, не помню. Стала задавать вопросы: кто они, зачем, с какими намерениями. Отец, как всегда спокойно и весомо, рассказал о целях, задачах Красной армии. Та внимательно выслушала. После чего монашки снабдили весь личный состав радиоузла перинами, подушками, различной утварью, продуктами. И так их встречали в каждом польском городе и селении. Не знаю, как поляки отно-

тов. Селиверстовым была обеспечена радиосвязь с разведывательными отделами всех армий и отдельных корпусов, входящих в состав нашего фронта, благодаря чему командование было вовремя информировано о положении войск противника, а также наших частей.

За образцовое обеспечение агентурной связи и связи с Разведотделами армий инженер-подполковник Селиверстов достоин награждения орденом «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1 СТЕПЕНИ». 18 мая 1945 года».

С мамой, Стариковой Александрой Тимофеевной, отец познакомился на фронте под Сталинградом. Мама, уроженка

селились к Красной армии, но отца они наградили медалью. Такой необычной, с крестом.

И вот уже 1945-й. Медаль «За взятие Берлина».

Читаю в наградном листе 1945 года: «Командуя радиоузлом в течение 5 лет и находясь с начала Отечественной войны на фронте, инженер-подполковник Селиверстов благодаря хорошей работе радиоузла всегда обеспечивал нормальную радиосвязь с агентурой, находящейся в тылу противника, обеспечивая своевременное получение командованием разведданных о противнике.

Под руководством тов. Селиверстова проведена большая работа по подготовке радистов, выбрасываемых в тыл врага, ремонту и обеспечению агентуры специальной радиоаппаратурой. В период активных боевых действий в 1945 году

д. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области, была добровольно призвана в армию в возрасте 18 лет и служила дешифровальщицей, она участником Сталинградской битвы, была ранена. После войны уже Селиверстова Александра Тимофеевна несколько лет жила с отцом в Германии, в Бабельсберге. Вместе они прожили более 50 лет.

Все годы до самой смерти родители переписывались со своими фронтовыми друзьями. В 1978 году у отца был юбилей – 70 лет. Вдруг он получает бандероль с письмами от своих однополчан. Письмо с поздравлением отцу кто-то послал для подписи по эстафете, от адреса к адресу, у кого

Боевые награды отца

какой есть. В результате получился поздравительный адрес бесценный. Некоторые, не зная точного места жительства отца, отправили подписанный адрес и свое письмо на имя других однополчан и с надеждой на эстафету, которая доставит их письма до адресата. Надо было видеть глаза отца, когда он разбирал эту «почту».

«Уважаемый Павел Иванович!

В день Вашего юбилея однополчане шлют Вам свой сердечный привет и пожелания долгих лет здоровья и счастья.

Вместе с Вами мы делили горечь отступления от границы до Киева, Харькова, Воронежа, Сталинграда и радость победного пути до Берлина.

На всем протяжении этого четырехлетнего величайшего народного испытания мы всегда чувствовали в Вас опытного, требовательного и справедливого командира. И этой требовательностью в сочетании со справедливостью и заботой о нас Вы завоевали не только авторитет, но и любовь всего личного состава части.

Внутренняя, сознательная дисциплина, которая отличала Вас всегда, привила и нам чувство долга, чувство ответственности, которое стало присуще нам в годы войны и в послевоенные годы.

Ваша высокая культура была всегда примером для нас, и все мы старались равняться на Вас.

Годы Великой Отечественной войны были тяжким испытанием для всех нас, но были они и годами учебы. Главным воспитателем и учителем для нас были Вы, Павел Иванович.

Мы благодарим Вас за все и шлем свои наилучшие пожелания.

*Ваши однополчане:
(тридцать подписей)».*

Чтобы добавить штрих к портрету отца, приведу еще его письмо к однополчанам, собрав-

шимся в Москве 9 мая 1990 г. Сам он поехать не смог.

«Дорогие друзья, однополчане, соратники!

Приветствую вас всех, собравшихся в 45-ю годовщину великой победы всего нашего советского народа над величайшим в то время врагом – фашизмом, немецким фашизмом, но отнюдь не немецким народом.

Я вспоминаю вас всех, для меня до сих пор молодых, бодрых, веселых, отважных, да, именно отважных мальчишек и девчонок.

Конечно, мы не падали из «катюш», не летали в поднебесье на истребителях, но вы все отлично делали свое, не менее важное, чем все другие профессии на войне, дело и проявляли при этом отвагу и мужество, и еще не менее похвальное свойство – скромность.

Я вспоминаю один эпизод под Сталинградом! Очень сильно бомбили, бомбы падали близко, наши аппаратные машины от разрывов качались. Я подошел, спросил: «Девушки, вам не страшно?» Мне ответили: «А нам некогда». Я вам прямо скажу, если бы мы все и в мирное время работали с таким самозабвением – мы бы коммунизм построили.

Все мы сейчас ахаем и охаем. Как же так? Победители мы, наш народ, а побежденные живут лучше победителей, да и коммунизма у нас не получилось. Кто же виноват? Я полагаю – виновата матушка История, ей не прикажешь, содеянного не возвратишь. а виноватого среди людей едва ли искать разумно. Правда, говорят, что историю творят люди, но ведь их сколько, людей-то? Много, и у каждого своя воля и действие этой воли зависит от влияния всех на всех, вот и возникает такая равнодействующая, угадать которую трудно, а то и невозможно. Получается его величество – Случай.

Что же делать? На это вопрос есть ответ в книге Ленина «Что делать?». Ответ такой: «ликвидировать третий период». Это период разброда и шатаний того времени. Ныне такой же период. Разброд дошел до отрицания Маркса и Ленина. Я верю Марксу и Ленину, жалею, что плохо их учение изучал. В этом, пожалуй, наша основная вина. Мы все в этом учении плохи. И еще я верю в народ. Наш народ в истории не раз заявлял о себе и спасал не только себя, а и другие народы. Я вспоминаю слова нашего великолепного поэта Тютчева:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней – особенная статья.
В Россию можно только верить».

Не мы, а наши потомки доделают начатое нами, исправят и наши ошибки. Уверен, что и нас помянут добрым словом.

Я и жена, Александра Тимофеевна, ваш товарищ и подруга, еще раз поздравляем вас с 45-й годовщиной победы. Желаем всем вам доброго здоровья. Не стареть вам всем, молодеть духом и сердцем, успехов вам, счастья.

Всех бы хотелось вас видеть. Приглашаем вас всех к нам в гости, на Северный Кавказ. Встретим с истинным радушием и удовольствием.

Павел. Саша».

После смерти отца я получила письмо из Полтавы от Н. Бутакова: «...Получил ваше письмо с печальной вестью о кончине Павла Ивановича, достойного гражданина страны и военачальника, которому мы, бывшие его подчиненные во время войны, обязаны сохранением здоровья и жизни... Память о Павле Ивановиче мы сохраним в наших сердцах. 28 мая я со своей дочерью возложу цветы на памятный камень связистов у могилы неизвестного солдата в честь нашего дорогого Павла Ивановича...» (Украина! Где сейчас этот памятник?! – Г.С.).

Как-то уже в 1999 году, незадолго до папиной смерти, известная в Осетии тележурналистка хотела снять о нем фильм. Мама к тому времени уже покинула нас, отец очень горевал. На предложение о фильме категорически отказался. Меня попросили посодействовать. Я старалась, но увы. После очередного звонка с телестудии я спросила отца: «Почему, папа?». «Им нужны герои, – ответил он. – А я не герой».

Уважаемая Горислава Павловна!
Получил ваше письмо с печальной вестью о кончине Павла Ивановича, достойного гражданина страны и военачальника, которому мы, бывшие его подчиненные во время войны, обязаны сохранением здоровья и жизни. Вы ищете еще qualcuno, единственно выразителю Вашим чувствам горести и разлуки. Ваше имя и разлука Ваше имя. Память о Павле Ивановиче мы сохраним в наших сердцах. 28 мая я со своей дочерью возложу цветы на памятный камень связистов у могилы неизвестного солдата в честь нашего дорогого Павла Ивановича. Пусть

P.S. Конечно, это не полный портрет отца, человека мужественного, обладающего энциклопедическими знаниями, честно трудившегося и на гражданке. Сегодня, в год юбилея Победы – маленькие осколочки воспоминаний о нем и открытый военного архива. Может быть, в этих осколочках, как в голограмме, проступит портрет поколения скромных героев, которым при их жизни мы, недалековидные, не уделили должного внимания...

Горислава Селиверстова.
Алагир, РСО-А, 2020 год.

